

ҒАҒАП

ДЖЕЙМС БРЭНЧ КЕЙВЕЛ
Сказание
о Мануэле



Сказание о Мануэле

Annotation

Джеймс Брэнч Кейбелл (1879-1958 гг.) – писатель, незаслуженно забытый в наши дни, однако в свое время считавшийся одним из ведущих мастеров американской «литературной легенды» первой половины XX в.

Кейбелл создал немало произведений, однако наибольшую известность ему принесла масштабная и изысканная фэнтези-сага «Сказание о Мануэле»!

Джеймс Брэнч Кейбелл
Музыка с той стороны Луны
(еще одна комедия женопочитания)

*Оцени губы тех,
кто восстает против меня,
и их затеи против меня,
Узри, как они встают и садятся:
ведь я их музыка.*

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Текст данного издания в основном базируется на поэме Никола де Кана «Мадок и Эттарра», опубликованной впервые в Париже в 1898 году П. Вервилем, который также написал к ней предисловие. Однако во внимание были приняты и поправки Фр. Роке, опубликованные в «Исследованиях по романской филологии» после того, как в Ватикане был обнаружен англо-норманнский манускрипт этого романа, а также и два фрагмента более старого Геттингенского манускрипта, напечатанные на следующий год в этом же журнале.

Можно вспомнить, что Эттарра была самой младшей дочерью дона Мануэля, она родилась вскоре после кончины отца. Сказание уже мимоходом останавливалось на обстоятельствах ее похищения Можи д'Эгремоном, единственным законным сыном Донандра Эврского, и последовавших за этим длительных войнах. Затем в 1275 году Эттарра вышла замуж за Гирона де Рока, который позднее стал преемником своего брата Этьена и принцем де Гатинэ. Но ее замужняя жизнь продолжалась недолго.

Второе похищение Эттарры Саргатанетом Бюльг датирует 1287 годом. Это соблазнение, конечно же, было аллегоризировано. Но я отсылаю вас к Вервилю (с. 229—238) для обсуждения теории о том, что Эттарра символизирует весну, какое-то время поглощенную холодом и мраком, а затем освобождаемую солнцем из-под власти зимы.

Меня же сказание об Эттарре вполне удовлетворяет и без этих метеорологических аллегорий.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О МАДОКЕ В ЮНОСТИ

ГЛАВА I

Цитата из Книги Бытия

Для желающих я собираюсь рассказать историю про Мадока и часть истории про Эттарру. Это прискорбно знакомая история. Возможно, все началось с Ламеха из Книги Бытия, который первым из уважаемых граждан сказал: «Я убил отрока в рану мне!» И поэты рассказывают нам, что с тех пор множество поэтов, доживших до седины, повторяли это мрачное высказывание, хотя, вероятно, и не всегда соучастницам убийств и спутницам в семейной жизни.

Более того, это прискорбное повествование не имеет конца. Нет здесь и конкретных предсказаний того, что следующее тысячелетие избавит рассказ от этого недостатка, потому что история про Эттарру не кончается смертью телесной оболочки, в которую была заключена ее душа. В конце концов, это прискорбная, но правдивая история.

ГЛАВА II

Четыре мнения о поэте

Этот самый Мадок был самым младшим и подающим наименьшие надежды поэтом при просвещенном дворе Нетана, короля Марра и Кетта. И когда наступала очередь Мадока взять в руки бронзовую арфу, которую он носил в сумке из кожи выдры, и сыграть на пиру, у гостей пропадал всякий аппетит. И любящий искусство король, нервно теребя свою длинную седую бороду, говорил: «А для чего еще здесь этот юнец?»

Признанные знатоки утверждали, что песни Мадока пусты и им недостает мужественности, на что жены и возлюбленные этих знатоков лишь отвечали, что юноша весьма недурен собой. Так глупые женщины подтверждали неодобрение знатоков.

Но самым странным было то, что, тогда как поэтов поддерживает чувство собственного достоинства, юному Мадоку его песни совсем не казались чудесными. Они резали ухо Мадока отсутствием мелодии, которую ему никак не удавалось поймать. И все его песни казались ему пародиями на некую волшебную, неземную музыку, отрывки которой он слышал когда-то давным-давно и почти забыл. Полностью же простые смертные ее услышать не могли.

ГЛАВА III

Женщина, подобная дымке

Одним майским вечером, когда полная янтарная луна встала за ивами на востоке, юный Мадок, соблюдая старинные обычаи, умылся ключевой водой. Затем он сел у источника с бутылкой разбавленного вина и двумя бутербродами с сыром. И тут к нему подошла, похожая в сумраке на белую дымку, некая женщина.

– Приветствую тебя, моя подруга, – сказал Мадок.

Приглушенно рассмеявшись, она ответила:

– Я не твоя подруга.

– В любом случае, мир тебе! – сказал он. Она же на это ответила:

– Зато для меня, бедный Мадок, не будет более мира, поскольку я явилась к тебе, проделав долгий путь, с той стороны Луны.

И затем женщина поступила очень странно: она приложила руки к своей юной груди, и на ладонях оказалось ее алое сердце, и на струнах души она сыграла некую музыку.

В сумраках ее музыка звучала волнующе и странно. А потом вдруг наступила тишина и женщина исчезла. Мадок потом не мог вспомнить ни мелодию целиком, ни хотя бы одну каденцию, но он не мог и выбросить эту музыку из головы. Более того, его охватили одиночество и тоска по чему-то, чего он не мог назвать.

ГЛАВА IV

Что посоветовала мудрость

Тогда Мадок отправился к темной, увитой плющом, башне Ионафана Мудрого. И этот худой и добрый человек применил все свое искусство. Он сжег в высокой жаровне камфару и серу, белую камедь, ладан и соль, он вызвал повелителей молний, вулканов и звездного света, и он прочитал молитву саламандр.

И Ионафан вздохнул и сочувственно взглянул на Мадока поверх очков:

– Женщина, тревожащая тебя – бледная ведьма Эттарра, которой три богини Судьбы (ученые люди называют их Норнами) предписали жить с Саргатанетом, Владыкой Пустыни с Той Стороны Луны, до тех пор пока не пройдет 725 лет ее отравляющего душу музицирования.

– Как поэт может избежать чар этой ведьмы и этого волшебника? – спросил Мадок.

Ионафан ответил:

– Поэт беззащитен против их злобы, потому что их оружием является песня, которая сама по себе есть всепожирающий огонь. Однако как один клин вышибает другой, так и один огонь уничтожает другой, и можно что-нибудь предпринять против этой парочки с помощью вот этого.

И худой и добрый Ионафан дал юному Мадок очень большое перо, выпавшее из черного крыла Люцифера, Отца Всей Лжи.

ГЛАВА V

Награда патриоту

Этим пером Мадок начал записывать свои песни, прежде чем их исполнить. И перо создавало неслыханные еще песни. Теперь знатоки высказали одобрение: – Песни полны чувства, что, к прискорбию, так редко встретишь в наши дни всеобщего упадка.

Король Нетан захлопал в ладоши, громко рассмеялся и подарил Мадоку борзую, белый камзол, украшенный зеленой вышивкой, и семь сундуков золотых монет.

Впоследствии у Мадока не было недостатка в наградах, и каждую неделю он менял прекрасных женщин. На всех королевских пирах он пел очередную песню о завидных традициях и сплоченности народа Нетана и о том, насколько презренными кажутся все нации по сравнению с ним. И все хлопали в ладоши, приветствуя правдивость его слов.

Но однажды Мадок отложил в сторону свою арфу, отстранил от себя влюбленную в него графиню и вышел из увешанного щитами зала короля Нетана. Все гости аплодировали ему. Но сквозь крики одобрения он услышал, будто исполняемую на волынке, музыку, высмеивавшую его патриотические притязания, и Мадок понял, что отечество, которое он воспевал, всего лишь незначительный прыщик на широком лице мира и что его история, как и история любого другого народа, только эпизод в истории Земли.

ГЛАВА VI

Очень древние игры

Итак, Мадок оставил просвещенный двор Нетана, где наивысшие патриотические чувства были подавлены музыкой, которую творила некая бледная и вредная колдунья в Пустыне с Той Стороны Луны. Он направился на юг, на плодородные равнины Марны.

На зеленом поле, под цветущей яблоней молодая женщина играла в шахматы с человеком в маске. Его лица не было видно, но на серой руке, передвинувшей ладью, было четыре когтя, и она напоминала лапу грифа. Женщина была одета во все голубое, русые волосы обхватывал серебряный обруч, украшенный бирюзой, а на руках были серебряные браслеты.

При виде Мадока женщина поднялась, улыбнулась и сладкоголосо прокричала магическое слово Юга «Берит!» Существо в маске исчезло, а за яблонью мелькнула серая тень убегающего волка.

Прекрасная девушка рассказала юному Мадокку, что она правит этой страной и зовут ее Айнат, а он сказал ей, что он бродячий менестрель. Айнат призналась, что мало понимает в музыке, но она знает, что ей нравится, а среди всего прочего ей особенно понравился облик Мадока.

ГЛАВА VII

Пути ко гробу

Да и Мадок понравился облик Айнат. Нельзя было найти изъяна в ее облике. Она настолько была уверена в собственном совершенстве, что не утаивала от него и малой толики своих прелестей, и она пожелала, чтобы его познания не ограничились одним созерцанием.

Ее щедрость и любовь принудили Мадока не обращать внимания на союз царицы со Староверцами, когда понемногу он начал понимать, что представляет собой противник Айнат в маске и во что играет Айнат. Между тем, с Мадок она играла по-другому: игры происходили из ночи в ночь внутри резного, искусно разукрашенного саркофага, в котором, когда придет время, Айнат будет предана темной, плодородной земле Марны. И эта предусмотрительная царица намеревалась превратить свой гроб в гостеприимный дом и полюбить его благодаря бесчисленным забавам и любовным утехам, так что (когда придет время) она войдет в этот дом без страха и без всяких неблагоприятных мыслей.

И теперь Мадок помогал Айнат в осуществлении этого поэтического и мудрого плана, чтобы гроб тот оставался всегда желанным для нее.

ГЛАВА VIII

Награда великому оптимисту

А также для царицы Айнат и пастухов, которые служили ей, юный Мадок сочинял полные благородных мыслей песни. Песни, которые он пел на зеленых равнинах страны Марны, были вызваны не уважением к патриотическим чувствам местных жителей, а оптимизмом – общечеловеческим, всеохватывающим чувством.

– Прекрасен этот мир, – пел Мадок, – с любовью созданный для человека. Давайте восхвалим великолепие этого мира и – не обязательно сегодня утром, но, может, завтра днем – начнем совершать добрые дела в этом наилучшем из миров!

Добрые пастухи, сидевшие в обнимку с пастушками, говорили:

– Этот Мадок – царь поэтов, дорогая, ибо он заставляет увидеть, что, в конце концов, этот мир – прекрасное и милое место.

А Мадок с испугом смотрел на их самодовольные лица, которые под венками из боярышника казались ему такими же глупыми, как и морды их овец. Но на лице Мадока самодовольства не было. Потому что пока он сочинял эту приятную музыку, в сердце у него звучала другая, словно исполняемая на волынке, музыка. И она насмехалась над здоровым оптимизмом, который звучал в его песнях и которого не было в иссушенном сердце Мадока, и звала без устали к предначертанной ему судьбе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МАДОК В МИРЕ СЕМ

ГЛАВА IX

«Храбрейшие – они и нежнейшие»

Мадок покинул страну пастухов и гостеприимный гроб царицы Айнат, где его оставил оптимизм. И отправился он на запад, в горную страну, которой правил император Пандрас. Там он повстречал впечатляющий отряд лучников и копьеносцев, на щитах которых был изображен красный лев. Пред ними в красных доспехах на чалом жеребце ехал сам император. Все они направлялись на войну против страны Этион, что являлось у них ежегодным обычаем.

– Наши древние традиции и наша национальная гордость, – заявлял император, – должны быть сохранены, но тем не менее война в этом году доставляет нам довольно большие неудобства.

И тогда Мадок спел новейшую песню, которую написал своим черным пером. Он очень трогательно пел о том, как много молодых людей будет убито в грядущей войне и какое горе принесет война их матерям.

Копьеносцы и лучники прослезились, и сам император слегка закашлялся.

– У меня есть мать. – сказал один из воинов.

– А у меня нет, – ответил другой, – но она у меня была, так что суть не меняется.

Все согласились, что суть песни превосходна, затрубили отступление, и грядущая война была отложена.

ГЛАВА X

Расцвет благотворительности

И еще много других песен спел Мадок для воинственного народа императора Пандраса. Он сочинял изящные волнующие оды о человеколюбии, а также простые песни вроде тех, что поют хором за работой.

Воины обратились от военных походов к строительству школ, больниц, санаториев и храмов для всех своих трех национальных богов. За работой воины распевали песни, которые сочинил Мадок, и песни эти придавали им новые силы. Благодаря песням Мадока все активнее развивались филантропические начинания.

– Стройте, – пел Мадок, – для блага тех, кто придет вслед за вами! Создавайте для них прекрасный и светлый мир! Стройте, как и подобает детям великого Строителя!

Но в то же время он слышал и другую музыку. Он видел, как глупы эти мускулистые, потные люди, которые усиленно работали ради благополучия поколений, возможно вовсе не заслуживающих этого; ради людей, которые ничего не сделали, которые и не ведали о чувстве долга. Песни, приносявшие благожелательность и силу в жизнь других людей, казались Мадоку весьма глупыми: он вновь слышал, будто исполняемую на волынке, музыку Эттарры.

ГЛАВА XI

Успокоительная музыка

Так случилось с Мадоксом во многих царствах, где он побывал со своими благородными песнями, написанными черным пером. Он распевал песни перед многими знаменитостями этого мира. Он пел для Эсриопского султана под пурпурным навесом, расшитым серебряными полумесяцами, для Папы Римского в белом мраморном без какой бы то ни было мебели зале, для Старого Горца в полночь возле костра в сосновом бору. И повсюду люди всех сословий восхищались песнями Мадокса.

Где бы ни пел Мадокс, даже в воровских притонах или тюремных камерах, его успокоительная музыка пробуждала великодушие в сердцах слушателей. Их переполняли альтруизм и все добродетели разом. Они начали любить своих ближних. Они ликовали из-за того, что они любимые дети и шедевры того, кто являлся их племенным божеством во Вселенной, созданной специально для них.

И Мадок завидовал благим мыслям, которые он пробуждал в людях, но которые сам не разделял. Потому что всегда, как только его музыка достигала небывалой мощи, сразу же он слышал, будто исполняемую на волынке, музыку, которая была полна сомнений и неудовлетворенности.

ГЛАВА XII

Загадка всех творцов

Однако казалось, никто не слышал той будто исполняемой на волынке, музыки! Никто не хотел слышать музыку, сомнения и неудовлетворенность которой вызывали лишь острую боль. Вместо нее все стремились слушать подслащенную, напыщенную музыку, которой торговал Мадок и которая, как наркотик, позволяла слушателям самоутверждаться в настоящем и придавала уверенности в отношении будущего.

Они слушали и удовлетворенно ухмылялись, будь то короли или архиепископы, бароны или пахари, которые уже были ходячими скелетами с ухмыляющимися черепами, покрытыми тонкой оболочкой плоти. Они усмехались, в то время как у ног каждого лежала неизбежная мрачная тень, которая все время напоминала о той тьме, что вскоре их поглотит. И однако каждый слушал приятную музыку, которой торговал Мадок, и сердце каждого, созданное из красной пыли, на краткий миг поднявшейся над лугами и канавами, было наполнено ликованием.

Мадок тревожился, когда слышал восторженные отзывы о своих песнях, которые он писал черным пером, и Мадока тревожило, что ни одна из замечательных песен, сочиненных им, не могла заглушить, будто исполняемую на волынке, музыку Эттарры.

ГЛАВА XIII

Пути к ящерице

И тогда он пришел к Прекрасногрудой Майе, повелительнице Среды. В то мгновение перед ней стоял янтарный сосуд, отделанный по окружности зелеными камнями. Внутри него виднелась блестящая ящерица с выпуклыми красными глазками, которые двигались и сверкали, пока она нашептывала Майе о том, что грядет.

Когда появился Мадок, вещунья отстранила свою хладнокровную советчицу и пошла навстречу юному Мадоку с заискивающим выражением на гордом и угрюмом лице. Он нашел ее весьма привлекательной, но ничего об этом не сказал.

Перед ее горящим взором Мадок опустил глаза долу. И поэтому он увидел, как ящерица превратилась в крохотного серебристого поросенка. Затем поросенок превратился в маленькую лошадь, та – в овцу, та – в быка, и преобразования эти напоминали видоизменения облаков. Но Мадок и по этому поводу ничего не сказал.

Он лишь сказал:

– Покажи мне путь, о мудрейшая, который привел бы меня к победе над проклятой ведьмой Эттаррой, опустошающей мою жизнь, не позволяющей великодушию возрасти в моем иссушенном сердце и превращающей в издевательство те замечательные песни, которые я пишу пером из крыла Отца Всей Лжи!

ГЛАВА XIV

Как могут изменяться поэты

Майя привела его в одно тихое место, называющееся Помим-Кросс, где на прекрасных лугах паслись всевозможные домашние животные. Овцы, ослы, свиньи, быки и лошади вольготно гуляли в этом тихом краю. У них не было никаких забот и никаких желаний, кроме желания поесть и поспать. Вещунья сказала:

– С помощью известной мне магии, бедный Мадок, ты станешь одним из них, и, будто исполняемая на волынке, музыка Эттарры больше не будет тебя тревожить.

– Они когда-то были людьми? – спросил он. Прекрасногрудая Майя успокаивающе ответила:

– Да, все эти кроткие и полезные твари когда-то были поэтами, встревоженными, как и ты сейчас, и всех их я спасла от музыки, созданной в Пустыне с Той стороны Луны, как вскоре спасу и тебя.

Мадок воскликнул:

– Я прошу не о спасении, я прошу о мщении!

– В мщении нет ни покоя, ни мудрости. Но они есть на Помим-Кроссе, – сказала она.

– Тем не менее я предпочитаю, чтобы ты рассказала, как мне добраться до проклятой ведьмы и положить конец ее музыке да и ей самой, – ответил Мадок.

Угрюмая вещунья, приблизившись к нему, сказала:

– Об этом я никогда тебе не расскажу, поскольку ты мне очень нравишься.

ГЛАВА XV

Лечение здравомыслия

Затем Мадок спел несколько песен, написанных пером из крыла Отца Всей Лжи. Он пел о том, как много хорошего даже в худшем из нас, и о том, что в каждом человеческом сердце есть бесценная искра Божия и ее надо заботливо оберегать и лелеять. Упитанные животные, которые когда-то были поэтами, при этом разом встали на задние ноги и, неуклюже пошатываясь, запели:

– Давайте все же будем достойны наследия, от которого мы отреклись! Давайте покинем эти мерзкие луга, где есть лишь спокойствие и обжорство, давайте разрушим мировой покой вместе с его здравомыслием и безжалостной моралью!

Они топтались и пританцовывали вокруг Мадока, который продолжал увлеченно петь, но одновременно думал о том, какими глупыми созданиями кажутся эти заляпанные навозом и неистово чего-то помогающие животные.

Но Майя увидела, что ее репутация Мудрейшей находится под угрозой, поскольку взбунтовались все ее перевоплощенные мужья. Она поспешно показала Мадоку дорогу в Пустыню с Той Стороны Луны. Он перестал петь, и домашние животные с удовлетворением вернулись на свои луга к ленивому безразличию и сытому покою, а Мадок отправился навстречу предначертанной ему судьбе.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МАДОК НА ЛУНЕ

ГЛАВА XVI

Пути к Луне

Мадок неукоснительно исполнил все, что приказала сделать Прекрасногрудая Майя, пользуясь мечом, раздвоенным на конце прутиком, чашей и пятиконечным талисманом. И тогда появился зверь, похожий на льва, но покрытый перьями и раз в восемь больше, голова же и крылья были точно такие, как у бойцового петуха. На груди этого гиппогрифа росли красные перья, спина была темно-синяя, а крылья – белые.

Таков был многокрасочный скакун, на котором Мадок отправился вперед по незнакомому и страшному пути. Ему досаждали воздушные духи. Мадока долго преследовала Лилит – ужасная и восхитительная Невеста Змея, потому что он ей очень понравился. Несмотря ни на что, он достиг бледных туманов и голого пустынного пространства с той стороны Луны. Эттарра творила свою музыку, и серое пространство колебалось в такт мелодии. Она казалась сердцебиением Вселенной, и ветры, носящиеся между звездами, под стать ей были полны сомнения и неудовлетворенности.

– Повернись ко мне лицом, ведьма, и умри! – воскликнул в ярости Мадок и, обнажив меч, двинулся к Эттарре.

Она прервала свою, будто исполняемую на волынке, музыку и поднялась, и тут он впервые увидел лицо Эттарры. И тогда Мадок понял, что вовсе не чувство ненависти привело его к ней.

ГЛАВА XVII

Дальнейшие происшествия на Луне

Он оторвал губы от ее губ и увидел, как изменилась пустыня. Она превратилась в райский уголок. Кругом цвели лилии, и множество роз белело в чистом и нежном сиянии рассвета. Повсюду прыгали белые кролики. Вместо музыки, полной сомнения и неудовлетворенности, слышалось воркование голубков, призывающих своих возлюбленных.

– Это дивное чудо сотворила любовь, – заметила Эттарра без капли сожаления.

– Любовь принесла сюда красоту. И любовь к тому же освободит тебя от всех уз, кроме моих объятий, – ответил Мадок.

Эттарра же на это сказала:

– Ты мне нравишься. Твои объятия сильны и нежны. Но не будет у меня свободы, пока не пройдет 725 лет, посвященных созданию залунной музыки. Нельзя изменить ни слова в приговоре Норн, в котором сказано, что 725 лет будет держать меня здесь Саргатанет, который является и моим учителем, и моим тюремщиком.

Мадок ревниво ответил:

– Чему еще научил тебя Саргатанет, кроме музыки? О нет, не говори, а лучше проводи меня к Саргатанету!

ГЛАВА XVIII

Возвышенные трюизмы

И затем, рука об руку, они пошли к Саргатанету, восседавшему под вьющейся лозой, на которой зрели ягоды пяти разных цветов. Перед порфирным тронем Саргатанета преклоняли колени пять повелителей – повелители Голода, Огня, Холода, Тьмы и Безумия. Каждому из них он предписывал, какие неприятности нужно создать на этой неделе.

И когда его слуги отправились на Землю исполнять волю Саргатанета и будоражить человеческие сердца сомнениями и неудовлетворенностью, мрачный владыка Пустыни с Той Стороны Луны наклонился к Мадокку и Эттарре, едва достававшим ему до щиколотки. Он выслушал сливавшиеся в одно угрозы Мадокка и его мольбы. И Саргатанет лишь пожал своими крылатыми плечами.

– Нельзя избежать предписанного Норнами, – сказал Саргатанет. – Норны давным-давно написали историю этой Земли, они также составили «Содержание» и «Выходные данные». Ни человек, ни бог не могут изменить ни слова в том, что написали седые Норны. Я бы не огорчился, если бы была найдена возможность что-то изменить, поскольку Эттарра является моей ученицей и моей узницей уже почти 600 лет. А ты знаешь, что представляют собой женщины.

ГЛАВА XIX

Запятая любви

Затем Саргатанет поднял их на 592 фута, каждый из которых равнялся году, на каменный стол, что стоял рядом с тронном. На столе лежала открытая книга, страницы которой были так же огромны, как и сам Саргатанет. То была книга, в которой Норны записали историю этого мира; все, что случилось на Земле, и все, что когда-либо случится.

— Как я сказал, — продолжил Саргатанет, — мы знаем, что представляют собой женщины. Прирожденными писательницами их никак не назовешь. Их воображение нуждается в редактировании, и они склонны к чрезмерной романтичности. Так что эти седовласые дамы написали огромное количество всякой чуши и уделили чересчур много места любовным интрижкам. Несмотря на это, ни человек, ни какой-либо бог не могут изменить ни слова в этой чепухе, написанной Норнами, так как и люди, и боги являются героями этой книги. И таким образом, эти женщины, как всегда, оставили за собой последнее слово. А тут ясно записано, что Мадок будет находиться у меня, пока не пройдет 725 лет, посвященных созданию залунной музыки.

Мадок прошел по гигантской странице, чтобы убедиться в правдивости сказанного.

— Нет нужды, — сказал Мадок, — изменять какой-либо мир.

С этими словами он вытащил перо, которое выпало из крыла Отца Всея Лжи, наклонился и поставил жирную запятую после цифры «семь».

ГЛАВА XX

Перо цензора

А затем, конечно же, – поскольку все, что написано в Книге Норн, должно исполниться, и цифры, в частности, не могут врать, – затем последовало изменение всего, что произошло после семи лет и трех месяцев заточения Эттарры. То есть все случившееся и все существовавшее на Земле в течение последних 584 лет в мгновение ока устремилось в воронку забвения, погоняемое неким всадником на бледном коне. Все это стало неправдой. Двадцать поколений людей, со всеми их неистовствами на суше и на море, пронеслись наподобие песчаной бури перед взором Мадока, и каждая песчинка была, возможно, деревушкой или даже густонаселенным, знаменитым городом, созданным трудом и мучениями этих двадцати шумящих и галдящих, суесящихся и беспокоящихся, а в то же время обуреваемых возвышенными мечтами поколений людей.

Труды и почести, глупость и веру, безрассудство и счастье многих миллионов росчерком пера отправил Мадок в небытие, поскольку все, что написано в Книге Норн, должно исполниться. А сейчас там было написано, что заточение Эттарры должно длиться семь лет и три месяца.

ГЛАВА XXI

Возле Иггдрасиля

Никто прежде не пытался обмануть таким образом Норн, и они в своем тихом укрытии возле Иггдрасиля сразу же заметили необычайное исправление ими написанного.

Верданци сняла очки, в которых она читала, чтобы посмотреть, что же там происходит.

– А, понятно! – спокойно сообщила она. – Какой-то поэт изменяет историю Земли.

Сестры оторвались от своей писанины, и они втроем улыбнулись. Урд заметила:

– Ох, уж эти поэты! Они всегда пытаются избежать предначертанной им судьбы.

А Скульд задумчиво посмотрела на сестер-литераторш и сказала:

– Временами их просто жалко. Урд громко рассмеялась:

– Дорогая, ты им сочувствуешь, потому что мы сами – поэты, создавшие Эпос Земли. Лично я допускаю, что мы совершили ошибку, включив в Книгу литераторов. Однако эта ошибка встречается у большинства начинающих. А эта история, как помните, была одной из наших первых попыток. Все неопытные девушки обязательно пишут разную чушь. Вот почему мы включили в эту книгу и поэтов, и смерть, и Бога, и здравый смысл, и, я с трудом вспоминаю, какие еще невероятные вещи.

Они опять рассмеялись, подумав о том, какими они были незрелыми в самом начале своей карьеры.

ГЛАВА XXII

Зов Земли

Поэт смел до наглости. Ни в одной мифологии нет и упоминания о божестве, который бы так смело обманул Норн, – на удивление спокойно сказал Саргатанет. Мадок тщеславно ответил: – У меня всемогущее перо, ему подвластны как музыка, так и арифметика.

Саргатанет некоторое время смотрел своими бледно-голубыми глазами на двух этих карликов, стоявших возле его золотых сандалий, а затем сказал:

– Твое перо создает такую музыку, которая нравится всем людям. Но оно не может создать мою музыку. Твое перо не может ни написать мою музыку, ни зачеркнуть ее, потому что она предназначена для того, чтобы вечно тревожить поэтов, независимо от их смелости и наглости.

Но пока Саргатанет говорил такой вздор, Мадок уже посадил Эттарру на спину своего гиппогрифа.

– Я покончил со всеми тревогами! – воскликнул Мадок, и сверкающее чудовище, расправив огромные белые крылья, устремилось к Земле.

Гиппогриф несясь, словно комета, поскольку его сердце помнило, что на Земле, среди дорогих ему холмов Нёнхира, находилось теплое, свитое из кедров гнездо, в котором сидела на агатовых яйцах его любимая супруга. И на спине чудовища несясь с легким сердцем навстречу предначертанной ему судьбе ликующий Мадок.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

О МАДОКЕ ВО ВРЕМЯ ОНО

ГЛАВА XXIII

Возвращение старых времен

Вот так Мадок со своей Эттаррой вернулись на омоложенную пером Мадока Землю и зажили во время оно, то есть почти на 600 лет раньше того времени, когда жил Мадок.

В то время Нёнхиром, где гиппогриф оставил своих ездовых, правили норманны. Это были простодушные и суровые люди, чрезвычайно отважные и целомудренные, и их любимыми занятиями были пьянство, пиратский разбой и слагание песен.

Они радушно приняли певца, который мог слагать такие возвышенные и успокоительные песни, выходившие из-под пера, выпавшего из крыла Отца Всей Лжи. Мадок пел им об их значительности, о красоте их повседневной жизни и о том, какое великолепное будущее ожидает благородную нордическую расу. Он сочинял для них музыку, которая очаровывает человека во все времена и способствует его великодушию. Под их крылатыми шлемами румяные лица морских разбойников светились альтруизмом, добротой и всеми добродетелями разом. Они радушно принимали Мадока в своих деревнях и усадьбах и хорошо ему платили. Так что Мадок построил себе в Нёнхире прекрасный деревянный чертог. Они с Эттаррой занялись хозяйством, и ничто не тревожило Мадока, а объятия любимой жены были ему так же дороги, как когда-то объятия Айнат.

ГЛАВА XXIV

Отдых конфетчика

И ничто не тревожило Мадока. Долгие годы он слагал песни, и эти песни делали его слушателей лучше и счастливее. Разница заключалась в том, что у Мадока появилась некая вера в свои оптимистичные и возвышенные песни, и многое, о чем в них говорилось, казалось ему порой почти верным.

Со всеми удобствами благоденствовал Мадок в своем просторном чертоге, со вкусом расписанном драконами и окруженном высоким дубовым частоколом. Самые завзятые воры и убийцы восхищались песнями Мадока и щедро его награждали. Друиды увенчали Мадока священной омелой как короля скальдов. Слава о Мадоке разнеслась по всему миру. И знаменитого поэта ничто не тревожило, и не было у него другой работы, кроме сочинения незамысловатой оптимистичной музыки.

Эттарра же больше музыку не сочиняла.

– Откуда же взялась, моя дорогая, твоя мелодия? – беззаботно спрашивал ее прославленный муж.

– Как я могу помнить музыку, которую узнаю спустя столетия? И кроме того, есть у меня время для таких пустяков, когда на руках куча детей?

ГЛАВА XXV

Что же его не тревожило

Мадок знал, что его ничто не тревожит. На самом деле, не могут же тревожить смутные мысли о том, что Айнат, и Майя, и ужасная мертвенно-бледная царица Лилит, похоже, то и дело посматривают на такого уважаемого поэта, каким является теперь Мадок, с насмешкой и жалостью.

Да нельзя назвать тревогой и то, что иногда в таких обманчивых грезах, склонных посещать праздных людей, когда на холмах и в долинах Нёнхира ненадолго остановилась хрупкая весна, женщины, которых отталкивал прежде юный Мадок из-за чар, наложенных на него, казались теперь более дорогими и желанными, чем считал какой-то юнец.

Да не тревожит и то, – а если присмотреться, это доставляет настоящее блаженство, – что любимая женщина беспрестанно занята приготовлением пищи и стиркой белья, отчитыванием слуг и воспитанием детей и что лицо ее приобрело выражение вечного недовольства, являющегося отличительной чертой любой рачительной хозяйки.

Нет, Мадок знал, что его ничто не тревожит.

ГЛАВА XXVI

Слишком много не значит достаточно

Между тем они, сполна познавшие любовь, жили в довольстве и роскоши. Возле их ревматических ног ползали светловолосые внуки. И были у них большие земельные угодья, и рабы, выполнявшие любые их распоряжения, и множество скота. Жизнь подарила им все то хорошее, что только была в силах подарить. И у Мадока не было никаких желаний, кроме желания вкусно поесть и хорошо поспать. И он стал тощим, седым и напыщенным, а также необычайно брюзгливым.

Он редко сочинял новые песни. Но знаменитые пираты и морские разбойники распевали его старые песни во всех концах мира, считая, что хилое молодое поколение неспособно создать подобное. И всех повсюду очаровывали их звуки. Даже еще неоперившиеся поэты допускали, что если б старик ввел в свои песни несколько откровенных любовных сцен, они вполне могли бы удовлетворить и вкусы современных слушателей.

Короче, Мадока ничто не заботило, ничто не интересовало и, совершенно ясно, ничто не удовлетворяло. Он все чаще и чаще просил Эттарру вспомнить, хотя бы для забавы, пару нот той залунной Музыки, которая когда-то сделала его бездомным и несчастным. А жена все с большим и большим раздражением отвечала, что у нее не хватает терпения выслушивать его вздор.

ГЛАВА XXVII

Заслуживающий уважения поступок

Затем его жена умерла. Умерла она спокойно, окруженная врачами и священниками и простившись со всей своей многочисленной семьей. И Мадок ощутил одиночество, когда увидел ее белое сморщенное старое тело, – такое чужое в отстраненном равнодушии смерти, – лежащее на аккуратной постели, освещенной четырьмя факелами. Одиночество окатило его, как ушат холодной воды.

Он в замешательстве вспоминал об их великой любви в насыщенной событиями, пламенной юности, об их приключениях из-за музыки не от мира сего, о последующих долгих годах, сквозь которые они прошли рука об руку, деля все плохое и хорошее, и о том, что вот эти бледные уста уж больше никогда не откроются, чтобы его побранить. И тогда он достал черное перо, которым писал всемирно известные песни, и вложил его в холодную руку Эттарры.

– Будьте все свидетелями, – сказал Мадок, – что этот день лишил меня цели в жизни и всякой радости. Будьте все свидетелями, что я больше не напишу ни одной песни, потому что я потерял судью своего сердца и самого придирчивого и откровенного критика своего искусства. И пусть моя слава умрет вместе с моим счастьем! Пусть то, что принесло их, сгорит в одном пламени!

ГЛАВА XXVIII

«Воистину не умирает»

Затем Мадок стоял возле погребального костра, окруженный детьми и внуками. Хор одетых в белое мальчиков из храма местной богини плодородия исполнял (как многие считали, это была самая замечательная из множества великолепных песен Мадока) великий гимн поэта человеческому бессмертию и блистательному славному будущему человека, который является единственным и любимым наследником Небес.

Четыре рабыни были убиты и возложены на костер вместе с туалетным столиком Эттарры, всеми ее кухонными принадлежностями и орудиями рукоделия. А потом к костру поднесли факел. Ссохшееся старое тело Эттарры сгорело в этом костре, а вместе с ним и черное перо, которое она держала в руке.

Очень трогательно пели одетые в белое мальчики. Они сладкозвучно и восторженно перечисляли те радости, которые встретятся этой благородной и добродетельной женщине после смерти. Но старый Мадок, слышал другую музыку, не слышанную все те годы, пока Эттарра, лишенная возможности заниматься лунным колдовством, была здесь на Земле его женой. И несчастный вдовец своим громким смехом заставил всех содрогнуться. Он опять слышал, будто исполняемую на волынке, залунную музыку, которой (неважно, слышали ее или нет) было предназначено волновать его, обманувшего Норн.

ГЛАВА XXIX

Пути к удовлетворенности

Так пришел конец его процветанию и почестям, и таким было начало его счастья. Старый Мадок побрел как бродяга, слегка безумный и слегка оборванный, но бесконечно довольный тем, что может идти вслед за музыкой, которую никто, кроме него, не слышал.

Та, что творила эту музыку, всегда чуть опережала его и была недостижима. Она держала перед собой то, с помощью чего создавала свою музыку: не громоздкую бронзовую арфу, а сердце с натянутыми струнами души. Он не видел ее лица, но он и не гадал, была ли это Эттарра или его вел кто-то другой. Достаточно было того, что Мадок шел вслед за музыкой, сотканной из сомнений и неудовлетворенности, которая звучала более правдиво, чем любая другая.

Он следовал за милым его сердцу звучанием по переулкам и улицам, на которых домоседы распевали знаменитые песни Мадока. И повсюду улыбающийся старый бродяга видел, что его сограждане живут более счастливо и более достойно благодаря удовлетворенности и возвышенной вере, которыми полны его песни.

Он радовался, что сочинил эти песни, так сердечно воспринимаемые невинными людьми, которые не обманывали Норн. В то же— время — для него, обхитрившего Седых Сестер, — всегда чуть впереди звучала иная музыка, не совсем от мира сего, и вслед за ней вечно брел одинокий бродяга, как и было предначертано ему судьбой.

ГЛАВА XXX

Лучший из возможных постскриптумов

Такова история про Мадока, и это лишь малая толика истории про Эттарру. Поскольку рассказ о ней не кончается (как заявляют ученые мужи) смертью телесной оболочки, в которую на какое-то время была заключена душа Эттарры. Да и музыка ее не кончается (как говорят зеленые отроки) независимо от того, что чьи-то уши оглохли от времени и послушания.

Думаю, что нам, старшим, едва ли нужно это оспаривать, поскольку есть много других вопросов, которые можно обсуждать долгими вечерами. И если вдруг послышится залунная музыка, она прозвучит тише, чем треск поленьев в камине, и ее заглушат пронзительные голоса наших детей. Мы, будучи людьми, можем иногда задумчиво прислушаться к забытому звучанию, слышимому лишь юными. Однако мы, ничего не слыша, не чувствуем себя полностью несчастными. К тому же общепринятые приличия не позволяют нарушить покой семейного круга (вспомните этого невоспитанного крикуна Ламеха) воплем:

– Я убил отрока в рану мне!